

6 (19) июля

Преподобномученик
Феодор (Богоявленский)

Преподобномученик Феодор родился 27 декабря 1905 года в Тегеране в семье второго секретаря Русской дипломатической миссии, назначенного впоследствии консулом в город Исфагань, Павла Георгиевича Богоявленского, и в крещении был наречен Олегом. Павел Георгиевич был женат на дочери действительного статского советника Ольге Петровне Нечаевой, и у них родилось трое детей – Олег, как уже сказано, родившийся в 1905 году, Ольга, 1907 года рождения, и Георгий, родившийся в 1910 году. В 1911 году Павел Георгиевич погиб в Персии. Ольга Петровна с тремя маленькими детьми переехала в Санкт-Петербург, где они стали жить на пенсию, получаемую ею от правительства за мужа. Олег со временем поступил учиться в ремесленное училище. После большевистского переворота семья лишилась средств к существованию, и Ольга Петровна стала подрабатывать уроками музыки. В 1919 году в Петрограде начался голод, и у нее не стало и этого заработка. Выйти из бедственного положения им помог брат Ольги Петровны, профессор Александр Петрович Нечаев¹. В 1920 году его назначили на должность ректора института в Самаре, и он предложил сестре поехать с ним вместе с детьми. Но в 1921 году еще худшее положение с продовольствием наступило и в Самаре, и им в значительной степени пришлось жить тем, что удавалось выменять из вещей на муку. Олег поступил на работу, что поначалу явилось существенной поддержкой для семьи, так как он стал получать паек, но вскоре он заболел суставным ревматизмом, и работу пришлось оставить. В это время голод в Самаре достиг уже таких масштабов, что трупы умерших от голода целыми днями непогребенными лежали на улицах. Вся семья существовала на скудный паек, получаемый Ольгой Петровной за преподавание музыки в школе: он состоял из небольшого количества растительного масла, конины и патоки.

В 1922 году семья переехала вслед за Александром Петровичем в Москву; Ольга Петровна устроилась в школу учителем музыки и получила комнату. Жить им и здесь пришлось почти впроголодь и не на что было купить дров для отопления печки-временки, которую они поставили посреди комнаты. Белый хлеб был только по праздникам, до некоторой степени их выручали обеды у дяди-профессора.

По приезде в Москву Олег окончил курсы по подготовке в высшее учебное заведение и в 1924 году поступил на медицинский факультет Московского университета. Но его не удовлетворило обучение, ограниченное основами медицины, и он стал посещать литературно-философский кружок. Но занятий в университете и в литературном кружке оказалось для его души недостаточно, он искал, чем бы мог послужить людям, и потому стал принимать активное участие в общественных инициативах по борьбе с беспризорностью. Ольга Петровна беспокоилась за сына, но как человек религиозный не могла противиться его христианскому порыву, тем более что и сама учила детей во всем полагаться на Бога. «Что бы ни случилось, – говорила она детям, – никогда не забывайте, что на все воля Божия».

В 1926 году члены семьи стали прихожанами храма Святой Троицы в

Никитниках, где настоятелем в то время был протоиерей Сергей Голощапов^а, высокообразованный человек и прекрасный проповедник. Основное помещение храма к этому времени было закрыто, и богослужения совершались в подклети храма, где был расположен придел в честь Грузинской иконы Божией Матери. Первой задачей отца Сергия стало восстановление богослужения в соответствии с уставом, и богослужение здесь совершалось так, как оно совершается в монастырях.

Основную часть прихожан составляла молодежь. Олег с сестрой Ольгой пели на клиросе, а младший брат Георгий был чтецом и прислуживал в алтаре. Свечного ящика в храме не было, деньги за свечи давали кто сколько мог. С тарелками для сбора пожертвований по храму также не ходили, но у дверей при входе стояла большая кружка, куда верующие могли опустить свою лепту. Богослужения совершались строго по уставу. После праздничных всенощных отец Сергий пояснял содержание читаемого за богослужением Священного Писания, говорил о празднике и о богослужении. После праздничной литургии всегда устраивалась общая трапеза.

В это же время прихожанами храма стали Василий Савельев, впоследствии архимандрит Сергей, и его близкие, образовавшие затем свою духовную общину. Долгое время эта община имела нецерковный характер, члены ее не считали, например, нужным носить нательные кресты, не придавая этому большого значения. Только в конце поездки в Саров в 1926 году они надели кресты, и то, вероятно, потому, что на это обратил внимание священник, ехавший с ними в одном поезде. Узнав, что они едут паломниками в Саров, он с недоумением спросил: «Как же на вас и крестов нет?» Это его недоумение им было тогда непонятно, и замечание об отсутствии крестов не встревожило их. Не понимали они значения и церковных молитв, и молитвенных правил, не имея обыкновения читать утренние и вечерние молитвы. Главное для них было общение друг с другом, этим общением они не могли насытиться, уделяя ему все свое свободное время, которого у них было в то время с избытком. Побывав во время паломничества в Саров в дальней пустыньке, где в течение продолжительного времени подвизался преподобный Серафим, и увидев выкопанную преподобным под полом кельи «пещерку», куда он, скрываясь от многочисленных посетителей, уходил молиться, они пришли в недоумение от мыслей, как можно было преподобному «стоять и молиться перед стенкой землянки, на которой ничего нет, когда кругом бескрайние просторы и божественная красота леса, небес – свобода!» Свободу они понимали по-своему. Связанные сами душевными узами, пристрастные друг к другу, они ревниво относились к чужой свободе, произвольно для себя ограничивая и подчиняя свободу другого человека интересам и переживаниям «общины». Хорошо зная, что отпуск Олега в то время еще не закончился, а им нужно было уже уезжать из Сарова, они попытались уговорить его прервать паломничество и не посещать отдаленных лесных скитов, как он наметил себе. Но он не послушался их. «Печальная пустая поляна на краю монастыря. Она спускается вниз к ручью, а за ним поднимается лес. Туда уходит Олег, не вняв нашим просьбам о единении. И на сердце у нас сиротливость и печаль», – спустя много лет, не переменяя своего суждения и оценивая превыше всего самозначимость общины, писала Лидия Савельева (монахиня Серафима). Ревнивое отношение было у членов общины и к их духовному отцу, иеромонаху

^а Священномученик Сергей Голощапов; память 7/20 декабря.

Варнаве (Гоголеву), когда он поселился в Москве в квартире, где жили Лидия с маленькой дочкой Екатериной, и когда прихожане находившегося неподалеку храма Вознесения Господня на Гороховом поле стали обращаться к нему за советами. Иногда отец Варнава «отправлялся утешать какую-нибудь недалеко живущую женщину, и это было для нас как-то грустно, – вспоминала монахиня Серафима. – Мы были целиком в своей родной семье и потому были ревнивы и не понимали потребности его общения еще с кем-то. <...> Мы верили, что путь служения, который послал нам Господь, – это наша родная семья^а и та любовь друг к другу, которая соединила нас всех воедино». Такое восприятие Церкви близкими ему людьми, подмена духовного душевным, становилось со временем все более тягостным для Олега.

В 1926 году Ольга Петровна тяжело заболела и Олегу пришлось уйти с 4-го курса университета и поступить на работу делопроизводителем в Народный комиссариат просвещения. В 1927 году Ольга Петровна скончалась. В том же году Олега призвали на военную службу, и он был зачислен в полк связи. Олег не скрывал от сослуживцев своих христианских убеждений; всегда, прежде чем приступить к трапезе, он сначала про себя молился, а затем крестился. Это было начальством замечено, и его посадили на пять суток на гауптвахту в наказание за исполнение церковных обрядов. Здесь у Олега образовалось много свободного времени, и он описал в одном из своих писем впечатление от своей недавней поездки в Саровский монастырь. К нему пришло не тревожимое внешними заботами мирное состояние духа, которое вернуло его душе воспоминание любви и покоя, когда становились дороги всякий камешек и каждая былинка Отечества, Богом данного земного дома.

«Засохшие комья земли больно отбивают подошвы ног, – писал он. – Рядом с проезжей дорогой вьется узкая тропинка, иногда пропадая в начинающей уже желтеть ржи и в высоких сочных овсах. Далеко позади белеет Арзамас. А впереди – поля и холмы; и чудится мне, что эти поля должны кончиться за ближайшим холмом, и тогда откроется совсем другой мир. Какой? Я и сам не знаю, только представляется он мне глубоко отличным от того, который остался позади. Но вот дорога поднимается на холм, открываются новые дали, а „другого мира“ все еще нет.

Медленно, очень медленно движемся мы. На нашей телеге, свесив большие сапоги и седую бороду, сидит дед. Вскидываются и борода, и сапоги на ухабах, и изредка охает он. Не первый раз он в этих местах, поэтому не глядит он внимательно вдаль, не ловит солнца светлого луч и чудесного мира появление. Да и по сторонам он мало смотрит, а сидит на телеге, уставя бороду в землю, и терпеливо ждет конца пути, раздумывая о своей крестьянской доле. Знает он и провалившийся мост, и красный гостиный двор, и мелочную лавку у самой монастырской стены, и монахов – тех же окрестных крестьян. Все это знает он, и все же трясется дед на телеге семьдесят верст в надежде, что там, в монастыре, он все найдет, что нужно для его души. <...>

Загорелась ярким светом белая колокольня, а впереди уже белеет сумрак полей. И бежит этот сумрак все быстрее и быстрее. Вдруг в глаза бросился яркий солнечный свет и окутал все теплом. Застрекотали и запрыгали кругом кузнечики, закружились мошки, и воспрянула к жизни всякая тварь. Сбежала и у меня усталость с лица. Глаза радостью засветились. Я снял засохшие от грязи сапоги и в

^а Имеется в виду община.

легких туфлях устремился вперед, вниз и вверх по холмам. Уже стало темнеть, и мало-помалу все покрылось звездным небом. Потянулись кустарники, зацарапали ветви по ободьям колес, и на корнях тряско подкидывало телегу. А дальше дорога вдруг повернула в тень, где только звезды мигали сквозь молодую лесную чащу...

Пять дней вынужденного бездействия оживили во мне эти воспоминания. Несмотря на все мытарства, настроение у меня бодрое и спокойное. Много думаю о своих, но и за них я спокоен, так как верю, что о них не забудут, как не забудут и обо мне, красноармейце второй кабельной роты первого полка связи».

Оканчивал Олег службу в санитарном отделе Московского военного округа, и когда вернулся в Москву, приход, объединившийся вокруг протоиерея Сергия, распался, так как отец Сергей поминал за богослужением Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра и не поминал его Заместителя митрополита Сергия, будучи не согласен с его церковной политикой. Часть прихода, преобразовавшаяся в это время в подобие общины во главе с Василием Савельевым, перешла в храм Космы и Дамиана в Старопанском переулке на Ильинке. Олег, хотя и был тесно связан с общиной, стал посещать Боголюбскую церковь, расположенную на территории закрытого сразу после революции Высоко-Петровского монастыря. Насельники монастыря разошлись кто куда, и настоятель Боголюбской церкви, архиепископ Варфоломей (Ремов), собрал в приходе ревностных иноков, в основном насельников закрытой к этому времени Зосимовой пустыни. Они жили по квартирам неподалеку от церкви, стараясь сохранить в ней монастырское богослужение. Архиепископ Варфоломей благословил Олега обращаться для руководства в духовной жизни к архимандриту Никите (Курочкину), бывшему когда-то насельником Зосимовой пустыни. В начале 1929 года Олег был принят послушником в это импровизированное монашеское братство прихода, располагавшегося в стенах бывшего Высоко-Петровского монастыря.

Летом 1929 года Боголюбская церковь была закрыта, и приход вместе с монахами перешел в храм преподобного Сергия на Большой Дмитровке. С переходом монашеской братии в приходский храм богослужения в нем стали совершаться по монастырскому уставу. Здесь Олег принял твердое решение – всю жизнь посвятить Господу, встать на путь монашеского делания, чтобы идти по нему до самой смерти. Грозным предупреждением звучали в его душе слова Господа: «никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9, 62).

24 ноября 1930 года Олег был пострижен в монашество с именем Феодор в честь преподобного Феодора Студита и 30 ноября того же года рукоположен во иеродиакона ко храму преподобного Сергия. Приняв монашество, он всей душой устремился к подвижнической жизни, и, поскольку отношения с общиной и знакомыми имели в значительной степени пристрастный характер, он постарался на время отстраниться от них, не нарушая, однако, заповеди Христовой. Живя среди города и людей, он как бы ушел на время во внутреннюю пустыню, уединившись в крошечной келье на колокольне.

Монашеский постриг Олега члены общины восприняли таким образом. «Видимо, Олюня^а сообщила нам о дне пострига Олега. <...> Горько нам было. Но мы пошли. <...> В пять утра мы вышли, трамваев еще не было. Мы шли пешком до

^а Сестра Олега Богоявленского – Ольга.

храма <...>. Была метель. Ветер переметал тротуары снегом.

Первые темные двери были открыты. Мы вошли. Вторые, до половины стеклянные, были заперты изнутри. Ждем. И вот там, за стеклом, идет монах в черном. За ним, весь в белом, Олег. Монах делает земной поклон перед крайней иконой, прикладывается. За ним делает земной поклон и прикладывается к иконе Олег. Потом так же к следующей иконе. И так ко всем иконам правого придела. Потом переходят в левый придел и так же кладут земные поклоны и прикладываются. Потом уходят в переднюю часть храма.

Нам было жутко. Мы ничего не понимали. Мы знали только одно: мы теряем Олега теперь уж насовсем. И этот монах, который уводил его от нас, – это было так тягостно! Мы ушли на мороз, на ветер. Возвратились, когда уже шла служба, храм был полон народа. Потом все столпились впереди, вокруг Олега, этот темный монах наклонился над ним и что-то читал, а мы опустили лица низко до самой земли и горько плакали в эти минуты. И, помнится, мы сразу ушли».

Отец Феодор, однако, оставался благожелательно настроен ко всем членам общины, вовсе и не собираясь разрывать отношений только потому, что принял монашество. Пасху в 1932 году члены общины предложили ему отпраздновать вместе.

«Эта новая Пасха ознаменовалась для нас, в Москве, небольшой победой, – вспоминала Лидия Савельева. – Олег, теперь отец Феодор, который служил в Петровском монастыре и жил там же, в комнатке под колокольней, выразил желание быть с нами за Светлой заутреней и вместе встретить праздник. Тогда мы ходили в храм на Землянке^а. <...>

Отец Феодор после службы пришел к нам в тупичок. Как трогательно была его любовь к маленькой Катюне^б, которую он оставил младенцем, теперь же это был сознательный маленький человечек. Он не стыдился показать эту любовь, говорил и играл с нею, а она не смущалась его черной рясы».

В числе братии, служившей сначала в Боголюбской, а затем преподобного Сергия церкви, был молодой архимандрит Алексей (Сергеев). В 1923 году, когда ему исполнилось двадцать четыре года, он был рукоположен во диакона, в 1925-м – пострижен архиепископом Варфоломеем (Ремовым) в монашество, в 1927-м – рукоположен во иеромонаха, в 1932-м – возведен в сан архимандрита, в 193-м – хиротонисан во епископа. Своей стремительной «карьерой» он целиком был обязан тесному сотрудничеству с ОГПУ, исполняя поручения этой организации по разрушению Церкви и регулярно направляя доносы на монашескую братию и прихожан. Многие близкие к приходу преподобного Сергия люди догадывались о его зловещей роли и сторонились его.

В начале 1933 года архимандрит Алексей сообщил в ОГПУ, что при храме преподобного Сергия созданы нелегальный монастырь и духовная академия. После ареста монахов и некоторых из прихожан он выступил свидетелем против них, показав: «Сергиевская церковь по существу является нелегальным монастырем, где группируются контрреволюционные антисоветские элементы <...>. Контрреволюционная деятельность означенного нелегального монастыря проводилась в направлении активной борьбы с властью путем вербовки и обработки в антисоветском духе молодежи с целью создания контрреволюционных кадров тайного монашества в советских учреждениях, путем нелегальных богослужений на квартирах с целью подготовки перехода в

^а Храм Покрова Пресвятой Богородицы на Лыщиковой горе. В советское время не закрывался.

^б Екатерина, дочь Василия Петровича и Лидии Николаевны Савельевых.

подполье, организации нелегальной академии, организации нелегальной помощи сосланным за контрреволюционную деятельность церковникам <...>. Монастырем завербовано в тайное монашество шестьдесят человек <...>. Монашки руководились иеромонахами через ежедневное писание рапортчек-помыслов о повседневной жизнедеятельности, на которые они получали от иеромонахов руководящие указания <...>. Я участия в этой контрреволюционной деятельности не принимал, <...> в силу служебных обязанностей по монастырю пришлось быть свидетелем означенных контрреволюционных действий, о чем чистосердечно сообщаю».

28 марта 1933 года иеродиакон Феодор был арестован. Всего по делу, основанному на доносах архимандрита Алексия, ОГПУ арестовало двадцать четыре человека – священнослужителей и мирян.

1 апреля 1933 года следователь вызвал на допрос иеродиакона Феодора и показал текст протокола допроса, составленный им на основе донесений осведомителя, предложив иеродиакону его подписать.

Ознакомившись с протоколом, иеродиакон Феодор написал: «Содержание данного протокола считаю не соответствующим действительности». Слово «не» он написал заглавными буквами и подчеркнул жирной чертой. На этом допросы закончены не были, но отец Феодор отказался давать показания, и следователь вынужден был записать: «При последующих допросах Богоявленский от дачи каких бы то ни было показаний по существу отказался».

9 апреля 1933 года следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, в основе которого лежали показания архимандрита Алексия. Тексты показаний свидетелей были скрыты от обвиняемых, и роль архимандрита в их аресте осталась для них неизвестна. В тексте обвинительного заключения, в частности, говорилось: «ОГПУ стало известно о существовании контрреволюционной организации церковников <...>. Практическая контрреволюционная работа организации выражалась: в насаждении тайных монахов в советских учреждениях, занимающихся пропагандой контрреволюционных идей и обработкой в антисоветском духе служащих, главным образом молодежи; в создании нелегальных монастырей, являющихся очагами развернутой антисоветской агитации среди населения; в создании специальной нелегальной духовной академии для подготовки кадров контрреволюционного актива; в распространении монархической литературы (дореволюционного издания) и создании спецфонда помощи ссыльным <...> церковникам».

27 апреля 1933 года Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеродиакона Феодора к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. 7 мая он был отправлен этапом в пересыльный лагерь в Новосибирске. Перед этапом ему дали свидание с сестрой, которая предполагала увидеть его печальным и изможденным после заключения в тюрьме. Но он вышел к ней радостный и бодрый. Благодать Божия давала силы быть стойким и мудрым; узы, переносимые ради Христа, не были омрачены отступничеством и малодушием, даруя мирное состояние душе. Уходила Ольга на свидание с братом из дома, где жили некоторые из членов общины Василия Савельева; никто из них не пожелал выказать узнику сочувствия, так как он принял монашество и тем самым, как считали они, изменил общине. Нарушила этот настрой лишь дочь Савельевых Екатерина, которой было тогда пять лет. Узнав, что отца Феодора отправляют в лагерь, она попросила Ольгу, чтобы та подставила ей к шкафчику стульчик,

забралась на шкафчик и сняла со стены свою любимую икону – изображение преподобного Сергия, молящегося об исцелении болящего юноши. Она протянула эту икону Ольге и сказала: «Передай от меня Федору и скажи ему, что я всегда буду его помнить».

«Грустно было у меня на сердце тогда, – писала Ольга супруге Василия Савельева Лидии, – но такое напутствие так согрело и усилило меня, что я с радостной душой ушла от нее. Трудно и передать тебе, как она меня растрогала. Поистине Господь даровал ей чистое сердце и большую любовь».

В мае 1934 года иеродиакон Феодор с очередным этапом был отправлен во Владивосток, в 1-е отделение Дальлага. По прибытии на место во время посадки заключенных на пароход у него отнялись ноги, и он был избит конвоирами, пытавшимися заставить его идти. Несмотря на побои, он не смог встать, и конвоиры вызвали врача. После осмотра врач подтвердил, что тот действительно болен и ему нужна неотложная помощь, и это спасло отца Феодора от расправы.

Выяснив, что иеродиакон Феодор имеет незаконченное высшее медицинское образование, врач взял его к себе помощником. Впоследствии отцу Феодору пришлось ассистировать более чем при ста операциях аппендицита, удалять зубы и принимать роды, так как в лагере, кроме них двоих, другого медицинского персонала не было. Желая как можно больше принести пользы страждущим, он старался быть для них врачом не только телесным, но и духовным, укрепляя словом истины больных и умирающих.

Попав в исправительно-трудовой лагерь, иеродиакон Феодор имел намерение не сообщать о месте своего нахождения и никому не писать, чтобы жить, полагаясь только на Бога, не надеясь ни на материальную помощь близких, ни на их согревающие душу слова поддержки. В той большой войне «против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12), где воевал он как воин Христов, ему были не нужны ни излишки одежды, ни пищи, а только чистое сердце и просвещенная светом Христовым душа, не преклоняющаяся на грех. А что достаточно и что излишки, человек выбирает сам. Однако летом 1934 года, когда одно из писем от общины все же настигло его в лагере, он решил на него ответить. В ответах он везде, когда писал слово «семья», имел в виду общину, с которой был тесно связан по храму Святой Троицы в Никитниках. В это время его сестра Ольга ушла из общины, осознав необходимость в руководстве более опытного духовника, и стала окормляться у схииеромандрита Игнатия (Лебедева)^а.

Члены общины в то время ощущали себя людьми, нашедшими истину, и уход кого-либо из общины воспринимался едва ли не как уход от Христа. Тесные, душевные отношения укрепляли пристрастие друг к другу, не помогая избавиться от страстей.

Упрекая иеродиакона Феодора, что он не удержал свою сестру в общине и даже способствовал, по его мнению, ее уходу, монах Сергей (Савельев) писал ему в концлагерь: «<...> Возвращаясь из далеких краев, я уже погостил в Архангельске, а теперь живу в деревне недалеко от Москвы. Жизнь родных трогательна, и мое пребывание среди них – лучшее утешение, которое только возможно для меня в условиях моей жизни. Но, дорогой мой, в нашей жизни есть одно печальное событие, о котором мне нужно тебе написать. Ты знаешь, что Олюня оставила родных. <...> Сознывая и сложность твоего положения, и сложность твоих отношений с родными, я не хотел тебя беспокоить этим делом,

^а Преподобномученик Игнатий (в миру Александр Александрович Лебедев); память 30 августа / 12 сентября.

но ты сам поспешил высказать свое мнение о нем, и это побуждает меня ответить тебе.

В этом вопросе снова выявилось наше разномыслие. Оно было печально тогда, когда касалось твоего ухода, не менее печально и теперь, когда касается твоей сестры. После той светлой незабываемой беседы, которую мы имели с тобой два года назад, когда я был в Москве, согласишься, друг, можно было ждать от тебя иного отношения к нам. Нельзя, дорогой мой, философствовать о любви к родным и в то же время напутствовать свою сестру на уход от родных, да еще предупреждая, что „зрящий вспять не управлен“. Это жизнь с родными-то „вспять“? Неужели ты в самом деле думаешь, что Олюня, оставив родных, смотрит вперед? Видимо, так, хотя и кажется это невероятным. <...>

Тебе, вероятно, известно, что Олюня ссылается на авторитет некоторых близких нам с тобой людей, которые будто бы оправдывают ее решение и оказывают ей поддержку. <...>

Как бы ни были почтенны люди, на которых ссылается Олюня, а я их так же, как и ты, очень уважаю, однако в решении вопроса нашей жизни их авторитет недостаточен. Пока родные идут правым путем, – писал он о своей общине как о Церкви, – оставить родных можно только ради ветхого мира, а не ради Господа. Вот, дорогой мой, истина, которую исповедуют родные. Эту истину может недопонимать Олюня, но как ты можешь забывать о ней?

Осмеливаюсь думать, что и Олюня, и ты, и те почтенные люди допускают ошибку и оправдывают то, что ради Господа оправдать нельзя. Ты знаешь: „Любовь не разъединяет“. Мы же с тобой и твоей сестрой оказались разъединенными. Что же нас разъединило? Ответ ясный – нелюбовь. Также ясно и то, что эта нелюбовь победила не родных, а Олюню и тех, кто с нею. Хотя ты, дорогой брат, и утешаешь нас и себя тем, что за последние годы много недоуменных вопросов между тобой и родными разъяснилось, но разъяснились вопросы второстепенные, а сердце твое по-прежнему далеко от родных».

В ответном письме монаху Сергию иеродиакон Феодор писал:

«Владивосток, 8 октября 1934 г[ода]. <...> Твое письмо от 29 июля я получил. Под первым впечатлением не ответил, так как хотелось написать, чтобы не только отразилось чувство, вызванное этим письмом, но и постараться ясно и откровенно уяснить наши прошлые и будущие отношения.

Не буду защищать себя от упреков за свое письмо об Олюне. Отмечу только, что тем письмом я старался уничтожить всякие заблуждения, твердо веря в силу нашей любви и общность жизненного пути. <...>

Когда я получил первую открытку Лиды, разыскавшую меня на краю света, то она была для меня самым ярким и живым выражением этой любви и связи. Я всем сердцем откликнулся на нее как родной ваш, не подумав о том, что таковым я, может быть, не имею права себя считать. То, что вы нашли меня такого, каким знали и каким искали, дало мне уверенность, что действительно я для вас родной, несмотря на последние годы. Вы же всегда оставались для меня самыми родными.

Новые обстоятельства моей жизни уничтожили много внешних и внутренних препятствий к нашему общению, и это общение теперь могло бы проявиться во всей возможной при данных условиях полноте. Как мне хотелось возможно лучше воспользоваться этим!

С какою радостью я получал и читал письма родных, в которых находил все новые пути, связующие нас. Я видел, что эти годы, когда мы росли вдали друг от

друга, возрастили в нас одни и те же плоды, потому что почва и семена были одни и те же. Я понимал, что любовь к семье, чудесно укрепляющая жизнь, – выражение высшей и большей любви, объединяющей всех верующих в одну семью – Святую Церковь. Если бы не любовь к Богу рождала любовь к семье и друг другу, то мертва была бы семья и взаимная любовь.

Теперь каково же мое место в этом? Могу ли я быть членом вашей семьи, связав себя с другой семьей самым неразрывным образом 24 ноября 1930 года?^а

В нашу памятную встречу с тобой, дорогой мой брат, этот вопрос встал со всей категоричностью, и для нас обоих, как я помню, было очевидно, что положительное решение его зависит от жизненности нашей внутренней связи, то есть чувствуем ли мы друг друга органически связанными между собой. Самое драгоценное для меня в той нашей встрече было именно это сознание.

Мы тогда не предрешали дальнейших жизненных форм нашего общения: дело было не в том, чтобы внешним образом менять свою жизнь. Задача заключалась в укреплении внутренней связи, которая неизбежно повлекла бы и внешние изменения. Когда я писал Олюне, для меня было ясно, что дальнейшее ее пребывание в семье для нее внутренне неоправданно и наличных общих сил не хватает для того, чтобы это изменить. <...>

Итак, когда я увидел, что жизнь Олюни в семье неоправданна и не содействует ее внутреннему росту, а скорее задерживает его, и когда она сообщила мне о своем не решении, а уже уходе из семьи, тогда я принял это как неизбежный в данный момент положительный вывод из всей жизни последних лет. Мне было ясно, что в условиях ее жизни в семье ее внутренний кризис не находит разрешения, и в то же время я знал, что „петровские“ условия могут очень помочь ей, и я совершенно искренно, по-братски написал это вам, имея в виду прежде всего душевную пользу Олюни, с одной стороны, и всей семьи в целом, с другой.

Я был очень удивлен и огорчен, что не получил тогда никакого отклика на то письмо, которое не могло остаться безразличным для родных, но я объяснял ваше молчание неполучением вами того письма и никак не полагал, что вы могли отнестись к нему так, как показало твое письмо. Конечно, можно возразить, что тут дело идет о самом существенном. А именно о любви и верности семье, но повторяю, что семью я понимаю как жизненное выражение нашей веры, и если она для кого-нибудь из нас перестанет им быть, весь смысл ее для него пропадет. Правда, меня можно упрекнуть в том, что я не верю в силу любви родных. Да, это, пожалуй, верно.

Я убедился, что в настоящий момент семья не в силах помочь Олюне в ее внутренних затруднениях. Если это убеждение и вообще это письмо лишает меня в ваших глазах права считать себя родным и членом вашей семьи, то я безропотно, хотя и с большой скорбью, подчинюсь этому. Это звание я не заслужил. Оно было дано мне вашей любовью и отношением ко мне в течение этого года. Слишком глубока и крепка взаимная связь между нами, не меркнущая в течение многих лет. Она рано или поздно проявится.

А теперь, если время для нашего плодотворного общения еще не наступило, будем молиться и трудиться отдельно. Для меня одна лишь память о вас служит постоянным источником радости и ободрения. Да хранит вас Господь».

Вернувшись из заключения, иеродиакон Феодор поселился в Егорьевске

^а 24 ноября 1930 г. Олег Богоявленский был пострижен в монашество.

Московской области. Одна из сестер общины, монахиня Надежда (Сорокина), писала о его жизни здесь:

«Егорьевск, 16 февраля 1936 года.

Дорогие мои! С Феодором живем хорошо. Его присутствие нашу жизнь не нарушает, а дополняет. Как будто все это так и надо, и как будто мы всегда с ним жили вместе. Это внутреннее, а внешне наша жизнь принимает постепенно помимо нас такие формы, о которых можно было только мечтать.

Вечером под Сретение мы все были за всенощной. После всенощной Феодор прочел нам оглашение преподобного Феодора Студита, и потом, как обычно, были вечерние молитвы. Наутро Феодор предложил отслужить обедницу, так как из-за работы мы не могли быть в храме за обедней. Мы отнеслись к этому сочувственно.

Встали рано. Прочитали утренние молитвы, третий час, а потом обедницу. Против ожидания всю обедницу пропели хорошо, и все были очень рады. Вечер были дома. <...> Поздно вечером снова была общая молитва».

Вскоре, однако, иеродиакону Феодору пришлось переехать в город Тверь, переименованный к тому времени в Калинин, откуда он писал 11 апреля 1936 года:

«Родные мои. Поздравляю вас всех с наступающим Светлым Праздником и желаю встретить его в духовной радости и единении. Я, слава Богу, провел это время как нельзя более мирно и содержательно, чем вполне был вознагражден за лишения прошлых лет.

За время поста много передумал, и как-то впервые по приезде сюда совершенно спокойно, не будучи отвлекаем ничем посторонним. Теперь моя жизнь и перспективы на будущее явились в новом свете. Но об этом поподробнее, если Бог благословит, побеседуем по моем приезде в Москву. Я предполагаю к вам выехать в ближайшие дни».

При освобождении из заключения врач снабдил отца Феодора характеристикой, в которой отмечал его исключительную добросовестность и редкие способности к занятию медициной и ходатайствовал о предоставлении ему возможности закончить медицинское образование.

Нужно было решить: воспользоваться ли этим ходатайством и стать врачом или идти дальше по тесному и скорбному пути в священном сане монаха, пути, который в то время неизбежно вел на голгофу. Духовный отец и восприемник отца Феодора при постриге, архимандрит Никита, предоставил ему самому решить этот вопрос. Отец Феодор обратился за советом к сестре: «А как ты думаешь? Что ты посоветуешь делать?» В ответ на вопрошание брата Ольга стала молиться перед Казанской иконой Божией Матери, которой когда-то благословила их мать, и вдруг словно голос ясно услышала: «Вземшийся за орало да не зрит вспять». И она повторила эти слова вслух. Отец Феодор внимательно выслушал их и, кротко улыбувшись, сказал: «Спасибо тебе, одна ты меня поддержала, мне это так было нужно». Теперь он уже не сомневался, какой выбрать путь. Он отправился в Патриархию с прошением, в котором писал, что желает служить Святой Церкви и принять священство.

26 мая 1936 года священноначалие направило его диаконом в храм Николая Чудотворца в большое село Амельфино Волоколамского района Московской области, где настоятелем в то время был протоиерей Александр Виноградов, живший на приходе вдвоем с супругой, так как детей у них не было. Отец Александр поначалу был недоволен его появлением и заявил, что диакона ему не

нужно и вдвоем им не прокормиться – недостаточно у храма доходов. Молча перенес отец Феодор неприветливый прием. Впоследствии настоятель полюбил его, как родного сына. Своей кротостью, скромностью и нестяжательностью отец Феодор сумел победить недоброжелательное к себе отношение. Вскоре выяснилось, что священник страдал страстью винопития, дело доходило до тяжелых запоев. Это и было причиной его нежелания иметь сослужителей. Когда священник приходил в храм в таком состоянии, отец Феодор уговаривал его прилечь на лавке в алтаре и в этот день не служить. Затем выходил к народу и говорил: «Братья и сестры, помолитесь, наш батюшка заболел, служить не сможет, расходитесь с миром по домам до следующего воскресенья». И так бывало не раз. Вскоре священник был арестован и расстрелян, а храм был закрыт, и отцу Феодору пришлось материально поддерживать супругу священника.

12 мая 1937 года отошел ко Господу духовник иеродиакона Феодора архимандрит Никита, служивший в храме в честь иконы Божией Матери «Знамение» в селе Ивановском неподалеку от Волоколамска. Смерть духовника стала большой потерей для отца Феодора, и он с грустью сказал: «Я готов еще раз пережить заключение, лишь бы был жив батюшка».

Прихожане Знаменского храма в селе Ивановском предложили отцу Феодору занять место почившего духовного отца, на что он дал свое согласие. Председатель церковного совета вместе с иеродиаконом Феодором отправились в Москву к архиепископу Дмитровскому Сергию (Воскресенскому) с ходатайством от прихода о рукоположении иеродиакона Феодора во иеромонаха к Знаменскому храму.

Архиепископ Сергий ходатайство прихожан удовлетворил и в храме апостолов Петра и Павла на Преображенской площади в Москве рукоположил иеродиакона Феодора во иеромонаха. Первую службу в Знаменском храме иеромонах Феодор совершил на сороковой день кончины духовного отца.

С ревностью и самоотверженностью принялся исполнять отец Феодор пастырские обязанности. Когда требовалось причастить больного, он в любой час и в любую погоду отправлялся из дома – и в дождь, и в мороз, и в распутицу. Денег за требы он не брал, а если видел нищету, то сам по мере возможности старался помочь. Своим усердием и милосердием он быстро стяжал любовь прихожан.

Шел 1937 год. Власти приступили к закрытию последних еще оставшихся храмов, в иных случаях перед закрытием выставляя невыполнимые требования – уплатить произвольно назначенную сумму налогов. Если священник не мог заплатить, его лишали регистрации, а значит, и возможности служить, и храм тогда закрывали. Так произошло и с иеромонахом Феодором. Он не смог уплатить налог, и храм в селе Ивановском был закрыт. Незадолго перед этим был арестован настоятель расположенного неподалеку Троицкого храма в селе Язвище протоиерей Владимир Медведюк^а. Староста Троицкого храма продала корову и лошадь и уплатила налог, и отец Феодор стал служить в Троицком храме, прослужив здесь около года.

В то время духовенство находилось под бдительным надзором НКВД, который в качестве средства воздействия на духовенство пользовался вербовкой его в секретные осведомители, предварительно оказывая давление и создавая благоприятные для себя условия для переговоров и предложений. В декабре

^а Священномученик Владимир Медведюк; память 20 ноября / 3 декабря.

1940 года по требованию НКВД были повышены налоги, которые должен был уплатить отец Феодор. Средств для их оплаты у священника не было, и его вызвали в суд – «благоприятное» место для переговоров, напоминающее о том, что может последовать в случае отказа. Перед началом судебного заседания отца Феодора пригласили в кабинет, где находились представители НКВД. Они потребовали от него показать паспорт и предложили стать секретным сотрудником.

– Мы тебе зла не желаем, – сказал один из них, – ты еще молодой, может быть, опомнишься. Дадим тебе такой хороший приход, что всегда будешь сыт. Налог с тебя будет снят вовсе. За это с тебя потребуется очень немного: подпиши вот эту бумажку, что когда будешь служить на этом приходе, то будешь держать нас в курсе дел и записывать наблюдения о своих прихожанах. Внимательно смотри, что там делается, и передавай нам.

Выслушав предложение, отец Феодор встал из-за стола и сказал: «Я не воспитан доносчиком!»

В ответ на это один из них, подскочив к отцу Феодору, вырвал из его рук паспорт, разорвал его и закричал: «Ах, ты отказываешься! Ну так нигде больше и никогда не будешь служить! Вон из Московской области!» И на отца Феодора посыпались угрозы, сопровождавшиеся непристойной бранью.

Спустя некоторое время отцу Феодору был выдан паспорт с пометкой, запрещающей ему проживание в Московской области как человеку, отбывавшему срок в исправительно-трудовых лагерях. И он уехал в село Завидово Калининской области, поселившись в снятой им комнатухе. Но большей частью он жил в Москве у своих духовных детей или за городом у сестры Ольги в поселке Востряково, где ей принадлежала половина дома, состоявшая из трех комнат.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, однако это не остановило репрессий, направленных против Церкви. Ордер на арест отца Феодора был выписан в день начала войны. Его обвиняли в том, что он «является одним из руководителей антисоветской подпольной организации церковников <...>, устанавливает широкие связи с антисоветски настроенными церковниками в Москве и Московской области и создает ячейки антисоветской организации под видом так называемых домашних церквей».

После начала войны въезд в Москву и выезд из нее были затруднены, везде проверялись документы, участились аресты. С большим трудом отец Феодор добрался на этот раз до дома сестры в Вострякове. Придя к ней, он сказал: «Ты знаешь, как я тебя люблю, как ты мне близка по духу и дорога! Я понимаю, какой опасности я тебя подвергаю, но все-таки, несмотря на это, прошу тебя, позволь мне пожить у тебя некоторое время, чтобы подготовиться к смерти. Я знаю, что меня скоро возьмут, и знаю, что второй раз я уже не смогу пережить то, что пережил. Можно, я поживу здесь так, чтобы об этом никто не знал, даже соседи?» – «Зачем ты меня спрашиваешь об этом, когда знаешь, что мой дом всегда является твоим домом?» – ответила Ольга. Уезжая в Москву на несколько дней, она оставляла отцу Феодору хлеб и воду, так как от всего другого он отказался, и вешала на наружную дверь замок, как если бы в доме никого не было. В тишине и уединении отец Феодор много молился, готовясь к предстоящим испытаниям и смерти.

Незадолго перед последним переездом отца Феодора к сестре его посетила здесь духовная дочь, постриженная им в монахини, у которой он часто

останавливался в Москве. Вскоре после ее визита в Востряково она была арестована. При обыске сотрудники НКВД нашли в ее сумочке железнодорожный билет с указанием станции. Наличие билета с названием станции подтолкнуло их искать отца Феодора здесь, и не было ничего проще установить, что здесь живет его сестра.

Отец Феодор был арестован 8 июля 1941 года. Около двенадцати ночи раздался стук в дверь. Отец Феодор уже лег спать, но не мог уснуть и этот стук слышал. Сестра подошла к нему и тихонько сказала: «Это, наверное, пришла милиция с проверкой».

В доме был прописан под видом мужа Ольги их двоюродный брат, младший сын профессора Нечаева. Выйдя на веранду с домашней книгой в руках, Ольга Павловна увидела стоявших перед крыльцом четырех человек, двое из них были одеты в солдатскую форму. Она протянула им домашнюю книгу и сказала:

– Вот видите, здесь все в порядке, вот записана я, а вот мой муж. Он только недавно приехал из Москвы с работы, очень устал и сразу лег спать, пожалуйста, не беспокойте его.

– Нет, мы должны войти, зажгите свет, – потребовали они.

Войдя в комнату, она начала зажигать керосиновую лампу, руки у нее невольно задрожали, на что те сразу обратили внимание.

– Бери лампу и веди нас на чердак, – приказал один из них.

Ольга Павловна взяла лампу и пошла вперед. Двое сотрудников НКВД пошли за нею, а двое остались внизу.

«Не надо, здесь он!» – закричал один из оставшихся.

Все вернулись в комнату, и Ольга Павловна увидела, что около кровати отца Феодора стоят сотрудники НКВД и расталкивают его. Когда он встал во весь рост, они невольно отступили. Он стоял перед ними светлый, в белом подряснике, с очень бледным, но спокойным лицом, крайне исхудавший за время затворничества.

Повернувшись к Ольге Павловне, один из сотрудников НКВД выхватил револьвер и, направив на нее, закричал: «А ты еще укрывательством занимаешься! Знаешь, как по военному времени ответишь за это?!»

Но Ольга Павловна не испугалась и в свою очередь закричала на них: «Как?! Вы отнимаете у меня моего родного брата, да еще смеете на меня кричать?! Что же, я не имею права принимать его у себя, если я ему обязана всем... даже своим образованием?!»

Оторопев от неожиданности, тот опустил револьвер. Затем они стали обыскивать священника; выворачивая карманы, они нашли у него исписанный мелким почерком листок бумаги. Отец Феодор вырвал у них этот листок и, разорвав его на мелкие клочки и раскидав по полу, сказал: «Это вам нельзя читать, это переживания человека, которые, кроме меня, никто не должен знать».

Сотрудники НКВД пришли от этого в еще большую ярость и выхватили револьверы. Ольга Павловна стала их успокаивать и увещевать, объясняя, что это исповедь, которую священник обязан сохранять в тайне.

Они попросили ее выйти из комнаты, так как решили приступить к личному обыску и раздеть священника донага. Перед уходом Ольги Павловны из комнаты отец Феодор тихо сказал ей: «Ты ничего не знаешь».

Обыскав священника, они разрешили ему одеться. Когда Ольга Павловна вернулась в комнату, начался обыск в доме, продолжавшийся до пяти часов утра. Сотрудники НКВД перелистали и перетряхнули каждую книгу.

«Вот сколько икон повесили, моя мать давно выбросила из своей хаты все иконы, хоть и старая уже», – сказал один из офицеров НКВД.

Отец Феодор заметил на это: «Ну что же, остается ее только пожалеть, что на старости лет она потеряла разум».

Это услышал другой офицер НКВД и, перехватив обращенные на священника сочувствующие взгляды молодых солдат, с яростью закричал: «Ты что тут пропагандой занимаешься! Как смеешь еще разговаривать!»

Отец Феодор на это спокойно заметил: «Я не разговариваю, а отвечаю на то, что вы говорите».

Они стали обыскивать нижние ящики книжного шкафа. В одном из них хранился в футляре наперсный деревянный крест с золотым распятием. Он принадлежал другу отца Феодора иеромонаху Косме^а, который перед тем, как отправиться в ссылку, отдал его Ольге Павловне на хранение. Увидев крест, сотрудник НКВД, не говоря ни слова, положил его к себе в карман и уже протянул руку к серебряной дарохранительнице, стоявшей на столике у окна рядом с кроватью, когда отец Феодор решительно сказал: «К этому вы не смеее прикасаться, это Святые Дары!»

В его голосе в этот момент прозвучала такая решимость, почти приказ, что рука грабителя невольно замерла в воздухе и опустилась.

Обыскивавшие перешли в комнату Ольги Павловны и стали искать в стоявшем под иконами шкафчике. На его верхней полке лежал маленький золотой крестик, который Ольга Павловна не носила из-за того, что оборвалась цепочка. К нему уже было протянулась рука, но она сурово сказала, что в этом шкафу все вещи принадлежат только ей. На этом они прекратили в ее комнате обыск и, перейдя на веранду, стали осматривать содержимое шкафа, откуда вынули и забрали все фотографии, письма отца Феодора из заключения, зарисовки, сделанные им в лагере, его студенческую фотографию и две фотографии отца Космы. В шкафу находились также фотопортреты совершенно незнакомых Ольге Павловне людей. Она объяснила, что изучала фоторетушь и этим подрабатывала, но они все же вытащили фотопортреты из шкафа и положили на большой стол, за которым сидел отец Феодор. И в это мгновение Ольга Павловна увидела в руках сотрудника НКВД вместе с фотопортретами большой оранжевого цвета конверт, которого у нее в доме никогда не было. Сотрудник НКВД, усмехаясь и предвкушая эффект, театрально вынул из конверта портрет Гитлера с немецкой надписью и, довольный собой, спросил: «А что это такое?» – «Я не знаю и никогда в жизни это не видел», – ответил отец Феодор.

Ольга Павловна поняла, что, не найдя при обыске ничего предосудительного, они сами подбросили этот конверт.

Сестра предложила отцу Феодору покормить его, но он отказался и лишь попросил, чтобы ему дали возможность помолиться перед уходом.

«Только смотри, чтобы это недолго было», – согласились было они, но вдруг растерялись и заспешили: «Ну, собирайся, шевелись, пойдём!»

Ольга Павловна в ответ решительно заявила, что они обязаны выполнить данное ими обещание, позволив брату помолиться. Они отступились, прибавив: «Только по-быстрому».

Отец Феодор надел полумантию и отслужил в комнате молебен перед Казанской иконой Божией Матери, перед которой когда-то Ольга Павловна

^а Преподобномученик Косма (в миру Павел Степанович Магда); память 2/15 декабря.

молилась, чтобы дать ответ на вопрошание брата – по какому пути идти. Двери в этой комнате не было, и сотрудники НКВД с любопытством наблюдали за ним из соседней комнаты.

Помолившись, отец Феодор подошел к платяному шкафу, достал из него зимнюю рясу и скуфью, хранившиеся у сестры, так как ему все время приходилось ездить в мирском, чтобы не подводить людей, у которых он останавливался, и надел их.

Увидев это, офицер НКВД закричал: «Это еще что за маскарад?»

Отец Феодор на это спокойно и с достоинством ответил: «Это не маскарад, я счастлив, что могу наконец надеть одежду, мне подобающую». Затем он подошел попрощаться с сестрой, которая в это время горько заплакала, поцеловал ее и сказал: «Глупенькая, ну что ты плачешь, радоваться надо, а не плакать!»

Услышав эти слова, она широко открыла глаза и увидела перед собой его лицо – светлое, совершенно преображенное, излучающее глубокий и неотмирный покой.

Отец Феодор вышел из дома, перед крыльцом стояла легковая машина. Прежде чем в нее сесть, он обернулся и благословил сестру широким крестом.

Допросы начались сразу же после ареста.

– За какие преступления вы были арестованы органами ОГПУ в 1933 году? – спросил его следователь.

– В 1933 году я был арестован по обвинению в принадлежности к церковной группировке. Но виновным себя в предъявленном мне обвинении я не признал, – ответил иеромонах Феодор.

– Кто, кроме вас, в 1933 году был привлечен к судебной ответственности из числа ваших сообщников в антисоветской церковной группировке?

– Как на следствии, так и на суде мне не были предъявлены материалы обвинения, а поэтому я абсолютно не знаю, кто привлекался вместе со мной.

– Чем вы занимались в Завидове и на какие средства жили?

– В период своего проживания в Завидове я выезжал к своей сестре и получал у нее чертежно-художественную работу. Несколько раз я ездил в Волоколамский район, где я проживал по нескольку дней у своих знакомых в селах Гряды, Амельфино, Лысово и в самом Волоколамске. Мои знакомые поддерживали меня материально.

– Назовите ваших знакомых, у которых вы останавливались в селах Волоколамского района и в Волоколамске после того, как вам было запрещено пребывание в Московской области.

– Я считаю невозможным называть этих людей и впутывать их в свое следственное дело и поэтому называть их не хочу.

– Несмотря на то, что вы разоблачены как враг народа и советской власти, вы вместо откровенных признаний своей вины решили следствию оказывать сопротивление. Мы предупреждаем вас, что это бесполезная затея, так как вы будете разоблачены.

Допрос на этом был прерван, возобновившись лишь через некоторое время, когда подследственный, по мнению следователя, стал способен отвечать на вопросы.

– Состояли ли вы на учете как военнообязанный? – спросил следователь.

– До декабря 1940 года. Затем с военного учета я был снят по болезни. В декабре в Завидове я проходил переучет и был признан годным к несению нестроевой службы, и мне был выдан на руки военный билет, который отобрали

во время обыска и ареста.

– Вам было известно, что, согласно указу Президиума Верховного Совета СССР, 1905 год, в котором вы родились, мобилизуется на войну с фашистской Германией?

– Да, это мне известно было.

– Явились ли вы в военкомат, в котором состояли на учете как военнообязанный?

– Нет, не явился.

– Значит, вы уклонились от мобилизации и службы в Красной армии и стали дезертиром?

– Живя в Завидове до 24 июня 1941 года, я никакого мобилизационного листка не получил и поэтому выехал в город Волоколамск, договорившись со своей хозяйкой, что в случае вызова меня по мобилизации в военкомат она мне об этом сообщит.

– Сообщили ли вы в местный военкомат, на учете которого состоите как военнообязанный, куда и по каким делам вы выезжаете?

– Нет, такого сообщения я не сделал.

– Значит, зная, что ваш год подлежит мобилизации и что вы, может быть, будете также мобилизованы, вы без разрешения военкомата уехали с прежнего места жительства, правильнее говоря, дезертировали от военной службы в военное время?

– Злого умысла у меня не было, и поэтому дезертиром я себя не считаю.

– Как вы можете так нахально врать, отрицая свое дезертирство? Ведь мобилизация началась 23 июня, а вы из Завидова уехали 24 июня 1941 года. Разве это не дезертирство?

– Я отрицаю свое умышленное уклонение от службы в Красной армии. Уезжая из Завидова на несколько дней, я предполагал вернуться, но, приехав в Волоколамск, не мог выехать из-за создавшихся трудностей.

– Куда вы выехали из Волоколамска?

– Из Волоколамска я выехал в город Каширу.

– Сколько времени вы прожили в Кашире?

– В Кашире я был только один день – 27 числа. Из Каширы уехал к своей сестре Ольге Павловне Богоявленской, проживающей в Вострякове. 29 июня 1941 года я прибыл в Москву и пытался достать билет на проезд в Завидово, но билет я не достал и вернулся к сестре.

– Назовите фамилии, имена и отчества лиц, у которых вы проживали в Волоколамске, Кашире и Москве.

– Я считаю для себя нравственно невозможным называть следствию лиц, у которых я проживал, и на этот вопрос давать ответ отказываюсь.

– Вы после того, как вам было запрещено пребывание в Московской области, приезжали в город Москву?

– Да, после того, как получил запрет на проживание в Московской области, я раз десять приезжал в Москву и каждый раз жил два-три дня.

– Зачем вы ездили в Москву?

– В Москву я заезжал проездом и останавливался у своих московских знакомых, некоторых я исповедовал у них на дому.

– Назовите этих ваших знакомых.

– На этот вопрос я давать показания отказываюсь и называть своих знакомых, у которых я в Москве останавливался, не буду.

– Вы арестованы за проводимую вами организованным путем антисоветскую работу и по этому вопросу на следующем допросе вам придется давать развернутые показания, а сейчас допрос прерывается.

Следствие велось сначала в Москве, а затем, когда в конце июля 1941 года войска фашистской Германии стали стремительно приближаться к столице, иеромонах Феодор вместе с другими заключенными московских тюрем был перевезен в Саратов. Отца Феодора вызывали на допросы ночью, днем не давая спать и на допросах беспощадно избивая. Однажды его принесли в камеру с лицом, превращенным в одну кровавую массу – у него была вырвана часть бороды вместе с кожей. Следовали требовали, чтобы он назвал имена всех своих духовных детей и людей, с которыми близко общался. Понимая, какой вред это может им принести, отец Феодор отказался назвать кого бы то ни было.

– Вам предъявлено обвинение в том, что вы, находясь на нелегальном положении, являлись одним из руководителей контрреволюционной организации церковников и проводили антисоветскую пораженческую агитацию. Вы признаете себя в этом виновным? – спросил его следователь.

– В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, так как выдвинутое мне обвинение является необоснованным, – ответил священник.

– Вы напрасно пытаетесь скрыть от следствия свою преступную деятельность. Следствие располагает вполне проверенными неопровержимыми материалами, изобличающими вас в антисоветской работе. Намерены ли вы после этого говорить правдиво следствию о своей преступной работе?

– Никакой преступной антисоветской деятельности я не вел и, следовательно, никакие материалы, свидетельствующие о такой деятельности, мне неизвестны.

8 сентября закончился отведенный законом срок следствия, и следователи испросили у прокурора разрешение на его продление, мотивируя тем, что «по делу необходимы дополнительные допросы арестованного <...> с целью вскрытия его антисоветской работы и связей». После этого допросы возобновились.

– Какие связи вы имеете по Москве и по другим городам Советского Союза? – спросил отца Феодора следователь.

– Связей у меня никаких нет, но в Москве и в других местах у меня имеются знакомые.

– Назовите фамилии и адреса ваших знакомых.

– Поскольку эти знакомства носят личный характер, я назвать их фамилии и адреса не считаю возможным.

– Вы не желаете назвать фамилии и адреса ваших знакомых, потому что они являются вашими соучастниками по контрреволюционной деятельности. Так ведь?

– Нет, не так. Я не хочу, чтобы в моем следственном деле фигурировали знакомые, которые даже не принадлежат к священнослужителям.

– При вашем аресте вы уничтожили какую-нибудь записку?

– Да, во время моего ареста я разорвал одну записку, которую мне прислала одна из моих знакомых.

– Назовите фамилию этой знакомой.

– Фамилию этой знакомой я также назвать не могу.

– Следствие вас предупреждает, что за провокационное поведение на следствии, выражающееся в отказе назвать свои связи, вы понесете большее

наказание. Поэтому еще раз предлагаем назвать этих лиц.

– Я не считаю провокационным поведением то, что не желаю назвать своих знакомых.

За время, дополнительно отведенное для ведения следствия, следователи ничего не добились, и следствие было продлено еще на месяц.

– Когда вы встали на путь борьбы с советской властью? – спросил следователь.

– Я никогда не вел борьбы с советской властью и считаю это несовместимым с моими религиозными убеждениями, – ответил священник.

– Вы говорите неправду. В марте 1933 года вас судили за контрреволюционную деятельность, значит, сама деятельность началась значительно раньше. Вот вас и спрашивают, с какого времени вы ведете борьбу с советским государством.

– Я не вел борьбы с советской властью, и судили меня в 1933 году неправильно.

– Следствию известно, что вы после выхода из лагеря вновь возобновили работу по созданию контрреволюционной организации под видом создания в Москве и Московской области так называемых домашних церквей.

– Я утверждаю, что и до первого своего ареста, а также и после выхода из лагеря я никакой контрреволюционной работы не проводил и никаких домашних церквей не создавал.

– Когда вы официально остались без места?

– В декабре 1940 года мне выдали новый паспорт с запрещением проживать в пределах Московской области, таким образом, я должен был выехать из села Язвище, где я был священником.

– С декабря 1940 года по день вашего ареста чем вы занимались?

– Через своих знакомых, проживавших в Москве, а также через свою сестру я получал работу по графике, ретушировке портретов и тому подобному, этим и занимался.

– А церковной деятельностью вы в этот период занимались?

– Нет, не занимался.

– Значит, вы утверждаете, что с декабря 1940 года по день вашего ареста занимались художественной работой, которую получали через своих знакомых?

– Да, это именно так.

– Назовите ваших знакомых, которые давали вам художественную работу.

«На этот вопрос обвиняемый дал контрреволюционный ответ, и я его не записал», – отметил в протоколе допроса следователь.

– Вы отказываетесь назвать своих знакомых, которые вам якобы давали художественную работу, потому что таких знакомых не существует в природе.

– Нет, такие знакомые есть, но говорить о них я не могу.

И снова начались допросы. 9 ноября 1941 года был составлен очередной протокол.

– Вы намерены рассказывать о своей антисоветской деятельности? – спросил отца Феодора следователь.

– У меня никакой антисоветской деятельности не было, и поэтому мне нечего рассказывать, – ответил тот.

– Вы намерены назвать своих соучастников по антисоветской деятельности?

– У меня не было антисоветской деятельности, и поэтому соучастников никаких нет.

– В 1933 году, когда вас арестовали в первый раз, вы на следствии назвали своих соучастников?

– Мне тогда такого вопроса не ставили.

– Хорошо. Тогда назовите их сейчас.

– Так как антисоветской деятельностью я не занимался, поэтому и никаких соучастников у меня не было.

– Вы как и в 1933 году, так и сейчас пытаетесь скрыть своих соучастников по контрреволюционной деятельности. Еще раз предлагаем назвать таковых.

– Больше ничего показать не могу.

– Следствию известно, что одним из видов вашей контрреволюционной работы была агитация против службы в Красной армии.

– Я это отрицаю. Никогда такой агитации не проводил.

– Вы должны были явиться в призывной пункт, когда фашистская Германия напала на Советский Союз?

– Так как мой год подлежал призыву, то в военкомат я должен был явиться.

– Почему же вы выехали с места призыва?

– С места призыва я выехал потому, что желал справить свои христианские обряды, а именно исповедаться и причаститься.

– Ну, а потом почему не явились на место призыва?

– Потому что не давали билетов из Москвы до Завидова.

– Сколько километров до Завидова?

– От Москвы до Завидова сто двадцать километров.

– Почему же вы не пошли пешком?

– Мне и в голову это не пришло.

– А почему же вы не обратились в первый попавшийся военкомат, чтобы он вам помог выехать к месту призыва?

– Я боялся идти в военкомат, потому что не имел права проживать в Москве и Московской области.

– Вы читали воззвание московского митрополита Сергия, в котором он призывал верующих идти служить в Красную армию?

– Да, такое воззвание я читал.

– Значит, по закону вы должны были явиться на призывной пункт, плюс к этому же вас призывала и Церковь, и все-таки вы не явились.

– Да, не явился и в этом признаю себя виновным.

– Почему же все-таки вы не явились?

– На призывной пункт я не явился по причинам, изложенным выше.

– Ваши доводы неявики в военкомат для призыва слишком неубедительны. Вы не явились на призыв, потому что, являясь врагом, не хотели защищать Советский Союз, так ведь?

– Нет, это не так. Справив свои христианские обряды, я готов был явиться на призыв, но не смог, так как не мог достать билета для проезда к месту призыва.

По окончании следствия 10 ноября 1941 года было составлено обвинительное заключение, направленное органами НКВД в прокуратуру, которая не согласилась с обвинением отца Феодора в антисоветской деятельности, считая его недоказанным. «Обвиняемый в предъявленном обвинении виновным себя не признал, – писал прокурор. – Показал по делу следующее: в 1926 году ушел с 3-го курса медицинского института, <...> посвятил себя монашеской деятельности. <...> Принадлежность к антисоветской организации и антисоветской агитации материалами дела не доказана. Поставить

на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР как с[оциально] о[пасный] элемент».

Началось новое следствие, длившееся почти два года. Руководство НКВД уже не обвиняло иеромонаха Феодора в создании контрреволюционной группы, а только в дезертирстве.

3 февраля 1943 года следователь вызвал отца Феодора на очередной допрос.

– Вам предъявляется дополнительное обвинение в том, что вы, с целью уклонения от призыва в Красную армию по мобилизации, проживали на нелегальном положении, то есть совершили преступление, предусмотренное статьей 193-й пункт 10 «а» УК РСФСР. Признаете ли себя виновным в этом?

– Виновным я себя в уклонении от призыва в Красную армию не признаю. Могу признать себя виновным только в том, что я в период мобилизации без разрешения Завидовского райвоенкомата, в котором состоял на учете, выезжал к сестре, чтобы повидаться, зная о том, что мой год призывной и я могу быть призван в Красную армию.

– Ваш ответ неубедительный, стараетесь скрыть от следствия действительность! Намерены ли вы давать правдивые показания по поводу уклонения от призыва в Красную армию, так как к сестре вы поехали не с целью повидаться, а с целью уклониться от призыва в Красную армию. Так ли это?

– Уклониться от призыва в Красную армию я цели не имел, а к сестре ездил, чтобы повидаться, где и задержался ввиду того, что не мог достать билет для проезда. А потому повторяю, что виновным себя в предъявленном обвинении в уклонении от призыва в Красную армию по мобилизации не признаю.

Следствие закончилось в июне 1943 года. Отца Феодора обвинили в том, что он «вел антисоветскую агитацию и уклонился от службы в Красной армии...». «Виновным себя не признал, – написал следователь в обвинительном заключении. – Изобличается специальными материалами».

Следователи предлагали приговорить иеромонаха Феодора к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Но когда документы поступили к руководству НКВД и прокуратуры, мнения разделились: прокурор предложил ограничиться пятью годами ссылки, значительную часть срока которой обвиняемый уже отбыл, находясь под следствием.

26 июня 1943 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило иеромонаха Феодора к пяти годам ссылки в Красноярский край. После приговора священника перевели из саратовской тюрьмы № 1 в город Балашов Саратовской области в тюрьму № 3 для отправки в Красноярский край по этапу. Но сбылось предчувствие исповедника, что это заключение ему не суждено будет пережить. Иеромонах Феодор скончался в заключении в городе Балашове 19 июля 1943 года и был погребен в безвестной могиле.

Незадолго перед последним арестом отец Феодор писал своей духовной дочери Ольге Кавелиной: «Смирение – без труда спасение, как единоголосно говорят св[ятые] отцы. Приобретается же оно не сразу, но когда человек испытает и перетерпит многую болезнь и изменение своему страстному устройению. Случаи к этому в жизни – на каждом шагу, и нам остается, принимая все скорби как от руки Божией, обращать [их] в свою духовную пользу. Невозможно же этого совершить на деле, если не имеем постоянной памяти Божией и сознания своей греховности и неисправности. А то и другое получим не иначе, как через молитву. Поэтому молитва есть основание и корень духовной жизни. Как же молиться?»

Стараясь ум свой отвлекать от внешних, собирать его в слова молитвы для начала хотя бы внешним образом, многократным повторением этих слов: Г[осподи] И[исусе] Х[ристе] С[ыне] Б[ожий], помилуй мя грешн[ого]. А чтобы не осталось это делание одним упражнением ума, надобно и сердце понуждать внимать ему. Все же совершаемое не почитать делом великим и высоким, а, наоборот, видеть в этом крайнюю свою немощь и нужду в помиловании, как и есть на самом деле».

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.1»

Тверь. 2016. С. 211–248

Примечания

¹ Нечаев Александр Петрович (1870–1948), профессор, выдающийся ученый в области общей, экспериментальной и педагогической психологии, организатор отечественной науки психологии. Директор Самарского педагогического института (с 1917 г.) и после его преобразования в Самарский университет его первый ректор. С 1919 г. председатель совета, затем ректор Института дошкольного воспитания. В 1921 г. был избран профессором Московского государственного психологического института, в 1922–1925 гг. был его директором. В 1935 г. репрессирован.